

Лайлана и Тор так отличались друг от друга, что казалось они не были родными. Только в гневе и великой радости они казались сестрами, и обе эти ситуации были редкостью. Однако она не была одета, как ее старшая сестра. Она была моложе почти на десять лет, и жизнь в ее условиях сделала ее моложе, чем даже ее реальный возраст. Это число держали в секрете обе сестры. В этом смысле они тоже были похожи. Лайлана рассмеялась, когда помогла своим женщинам установить палатки удовольствия в задней части главной палатки. Она любила своих людей, и она не могла стоять без дела, пока они готовились. Как лидер этой группы людей, у нее действительно не было слишком много реальных задач сейчас. Таким образом, она просто ходила повсюду, делая все, что требовало дополнительной руки, и давая советы, где требовалось немного больше мужества. Она плавала повсюду, как облако, и в ее сознании она была одна.

Ее темные песочные волосы развеялись ветром, когда она забила кол. Один из мужчин должны были сделать это, но они были заняты, так что она делала это, будучи поощрена те, кто собирался использовать эту палатку. Палатки удовольствия были открыты для всех по цене и было только одно условие. Не должно быть никакого жестокого обращения с женщинами или мужчинами внутри. Цена за то, чтобы идти против этого принципа, была суровой, а избиение было самым легким наказанием. Часто это правило не требовалось соблюдать, но оно всегда шепталось господам и дамам, которые решили войти. Всегда говорил человек, который был визуально похож на водителя.

Тем не менее, это было хорошо, чтобы переместить ее тело после жесткости путешествия и думать о решениях, которые были в настоящее время. Ее глаза, карие, как пески на ветру, блестели от настоящей радости, когда она загнала кол в землю. Она положила молоток вниз, удовлетворилась своей работой и потеряла правой рукой лоб. "Хорошая работа, госпожа." Женщина, которая собиралась использовать палатку, хлопнула, даже когда она переехала в вагоны для хранения каравана, чтобы принести шелка и духи.

"Не стоит", - сказал Лайлана со смехом в голосе. Она была счастлива. Старейшины города уже пришли к ее народу и сказали им, что еда, вода и условия оплаты были приняты и согласованы. Даже такой потрепанный город, как конец Буна, сможет обеспечить три ночи и два дня кочевников. Ей обычно не нравилось, когда они пытались обмануть ее людей своей справедливой долей оплаты и еды, но на этот раз ни одно из позерства не требовалось. Сегодня для нее не может быть большей радости, чем эта. Несмотря на то, что ее люди носили красочные одежды, ее собственные были разновидности укротителя, но все еще отличались от людей пустынь. Эта одежда помогла скрыть ее от посторонних, надоедливых, которые хотели уговорить ее продать своих людей или даже убить, чтобы взять на себя командование этими людьми. Кроме того, они скрывали ее жилистую силу, силу, которая пришла из тяжелой и счастливой жизни. Она никогда не была счастлива в Торе. Ее сестра была там. Она любила свою сестру, но тогда были причины, почему она никогда не могла быть счастлива там. Прошло семь лет с тех пор, как она приняла на себя командование небольшой группой кочевников. Теперь они были элитными исполнителями, которые провели суровое лето пустыни на материке, честно зарабатывая деньги и славу. Короче говоря, она была довольна своей участью в жизни. Она решила, что сделала достаточно. Ей нужно было сохранить силы для сегодняшнего вечера, когда танцоры должны были выйти на сцену. Поэтому она села на землю рядом с палаткой. Земля здесь была твердой, в отличие от шелковистого прикосновения истинной пустыни. Иногда она скучала по этому ощущению шелковистой земли, хотя и коварной.

Она сидела, думая о таких мыслях, даже когда увидела двух незнакомцев, идущих мимо

главной палатки. Это не было странным для посторонних, чтобы прийти, поскольку они устанавливали основания, где они останутся на некоторое время. Это было не странно, но в этих двух было что-то не так. Сначала были большие грузы, которые они несли на своих спинах. Эти пакеты, безусловно, были больше, чем то, что один человек мог легко переносить. Это означало, что эти пакеты были сшиты заклинаниями для поощрения невесомости. Это было не легкое заклинание, чтобы вплести в ткань. Очень немногие могли это сделать. Эти двое не скрывали своих глаз от кочевников. Обычно посторонние прятали свои лица. Было нечисто свидетельствовать о такой женщине, или так они верили. Несмотря на это, они приходили ночью спать к тем самым "нечистым" женщинам. Только людям пустынь все равно. Но тогда люди пустыни не пришли бы сюда. Возможно, это была опасность. Она быстро подумала. Люди пустыни были хороши по-своему. Вот почему она всегда держала свой народ на внешних ободьях пустынь. Если бы эти двое были отступниками, было бы хуже. Отступники, несомненно, вызовут ненужный беспорядок, поскольку они обычно всегда прибывают со скрытыми повестками дня, когда они приходят так. Обычно, если отступник пришел вооруженным до зубов, это означало хорошо, и не о чем было беспокоиться, но это не предвещало ничего хорошего. Все-таки это не ее достоинство, если она запаниковала из-за пустяков. Кто знал, это могут быть просто два любознательных человека.

Мужчина, казалось, был смущен. Он повсюду искал что-то конкретное. Лайлана чувствовал странное чувство страха, когда она увидела его глаза, закрепленные на ней. Обычно ее цветная одежда прятала ее в кричащем хаосе одежды ее людей. Тем не менее, она знала, что она должна была сделать сейчас. Только одна вещь, которую она не понимала. Отношение женщины к мужчине было ее единственным вопросом в ее сознании, но тогда ответы были достаточно легко получить. Она собиралась позволить мальчику поискать еще несколько мгновений, когда по какой-то причине два посторонних, казалось, занимались коротким разговором. Это было странно, но казалось, что женщина говорила мужчине что-то, что должно было оставить неприятный осадок. Однако даже на таком расстоянии она знала, что он согласился на волю другого.

"Лайлана!" женщина кричала, четко проникая сквозь унылые звуки работы. Почти все глаза повернулись к двум посторонним, которые выглядели так подозрительно. Лайлана вздохнула.

"Да", - сказал Лайлана. "Это мое имя, но каково ваше?" Она спросила и быстро подошла к ним. Ее люди не будут сражаться, но она знала, что если она будет в опасности, они будут сражаться так же хорошо, как могут. Это не было оправдано или необходимо здесь.

"Меня зовут", - сказала женщина, быстро переходя на старый язык пустыни, - "Амра Тор, вышла замуж за Гурена Тора, дорогую тетю." Амра говорил быстро, как будто это была отрепетированная речь. Тогда Гурен улыбнулся Лайлане.

"Я-Гурен, тетя. Моя мать велела тебе показать мою невесту." Он говорил с истинной гордостью и радостью. Она видела лишь немного своего племянника, когда была в клане. Она любила этого мальчика как своего собственного. Фактически в то время она была его матерью во всем, кроме имени, потому что старшая сестра Тор была занята борьбой с небольшими войнами власти тогда. Так вот, он был женат. Это было слишком много новостей. "Тетя, мухи устроят гнездо, если ваши челюсти будут висеть слишком долго." Он говорил на общем языке, но она почти слышала его незнание слов. Он использовал общий язык, потому что даже метафоры не хотели говорить на старом языке.

Лайлана засмеялась и обняла Гурена. Она прижала его к себе и чуть не задушила. Затем она отпустила смеющегося Гурена и втянула девушку в собственное медвежье объятие. "Мальчики

и девочки, все. Мне нужно поговорить с моим племянником." Лайлана крикнула своим людям, которые уже пытаются делать то, что было нужно. Она притащила племянника и его невесту в одну из палаток удовольствия. Это будет личное место для них, чтобы поговорить.

"Как поживаете?" спросила Лайлана

"Я счастлива, тетя", - сказал Гурен на старом языке. Казалось, ему было легче говорить. "Моя мать попросила меня рассказать всю нашу кровь о моей свадьбе. Скоро мы отправимся за отступниками. Мы можем остаться здесь на ночь? Я обещаю не мешать тебе до рассвета." Из-за этих слов официального запроса он был вынужден слушать строку проклятых слов, которые заставили его увянуть. Ему не разрешат уйти так скоро. Он услышал настоящую вокальную силу своей тети, которую она просто кричала, и шум мог очень хорошо достигать самой дальней степени этого места, потому что каждый, кто работал, мог очень легко услышать чистый голос его тети. Что-то было в ее голосе. Это был тон командования, который был пронизан этими словами, сшитыми, как скрытое золото в скальных жилах пустыни.

"Все, сегодняшний вечер будет особенным. Мой племянник со своей невестой. Покажем всем, что мы умеем праздновать." Она закончила к началу гудения звука со всего места. "Что это", - сказал Лайлана спокойно. "Ты никак не сможешь уйти сейчас, Гурен. А теперь оставь меня и мою новую дочь в покое. У меня есть слова, которые Вы не должны слышать."

"Очень хорошо", - сказал Гурен, который был немного ошеломлен тем, как все происходило. Тем не менее, приказ был приказом. Он мысленно заверил свою невесту, что все будет хорошо и его связь с ней была нарушена, как только он вышел из палатки. Он вошел в объятие медведя сильного Водителя.

"Поздравляю", - сказал большой человек, когда он легко вращался с весом Гурена, как будто Гурен был пером. "Ты мог бы сказать мне, что ты здесь, чтобы отпраздновать. Это сделало бы все эти разговоры бесполезными. Но не важно. Мужчины! Вы слышали леди. Мы покажем им, что такое радость." Он говорил с людьми, которые собрались здесь частично из-за объявления Лайланы. "Ты, новобрачный жених, идешь со мной. Есть вещи, которые нужно сделать, если вы присоединитесь к нам в нашем веселье. Я подозреваю, что что-то подобное-это то, что леди планирует для вашей невесты."

Гурен не мог противоречить, когда большой человек непрерывно заполнял все пространства болтовней, приветствиями и смехом. Гурен сдался и пошел молча. Народ кочевников уже не казался таким уж далеким, и некоторые подошли к Гурену, как бы в поисках сходства с вождем, но он был уверен, что они его не найдут. В конце концов, он был связан не кровью, а эмоциями. Когда к нему обратились с несколькими поздравлениями, никто не остановил ни его, ни водителя. На самом деле, многие из них ускорили его и водителя, открыв им путь. Водитель не был доволен просто дойти до места назначения. Он шел по серпантину вокруг лагеря. Наконец, он остановился перед старым шатром, который стоял здесь, как больной большой палец. Он не был уверен, что это было где-то, где он хотел быть. Однако у водителя была сильная хватка, и Гурену было бы не так просто убежать.

"Ну, парень, Лайлена никогда не говорила нам, что у нее есть семья. Как член семьи этого человека, вы также являетесь частью нашего народа, и поэтому вы должны принять участие в наших празднествах. Вы со мной?" спросил водитель медленно и спокойно, как будто он разговаривал с ребенком. Гурен был слегка рассеян. С Амрой что-то происходило, и ее эмоции были нечитабельны до такой степени, что он отвлекался на водителя. Обычно ее состояние было гораздо легче понять, но здесь было сложно просто потому, что он был слишком рассеян.

"Я с вами, но я не понимаю. Конечно, не так уж много нужно сделать."

"Вот где вы ошибаетесь. У нас есть много дел, и, глядя на вас, я уверен, что у нас есть много работы, которую нужно сделать", - сказал водитель, который посмотрел на все тело Гурена с совершенно узнаваемым взглядом неодобрения. По какой-то причине этот взгляд на лице водителя заставил его чувства утонуть, как камень.

<http://tl.rulate.ru/book/15183/318353>